

ПАРТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

НЕРАВЕНСТВА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УЧАСТИЯ В РОССИИ (обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями)

В.В. Сафронов

(vsafronov@list.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сафронов В.В. Неравенства электорального участия в России (обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями) // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 56–95.

doi: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.3>

Аннотация. Представлен обзор исследований электоральной активности российских граждан в соотнесении с теоретическими представлениями, получившими эмпирическое обоснование в стабильных западных демократиях и в странах Центральной и Восточной Европы. Выявленные в России на индивидуальном уровне зависимости укладываются в западную теоретическую модель «ресурсы — мотивация — мобилизация». Отмечается, что в российских работах недостаточно внимания уделялось социальному структурированию участия в выборах, возможно в силу невыразительности таких отличий, а мобилизация обсуждается преимущественно в связи с работой политических машин — роль партий, организаций гражданского общества и социальных сетей остается вне фокуса внимания. В литературе о российских избирателях есть общее согласие относительно ключевых факторов, объясняющих участие в голосовании, они относятся к мотивационному блоку. Утверждается, что абсентеизм поддерживается низким интересом наших сограждан к политике и политическим отчуждением — недоверием властям, политикам и демократическим институтам, невосприимчивостью политической системы к предпочтениям граждан и их неспособностью повлиять

на политические решения. Однако, не считая редких исключений, представленных работами западных исследователей, убедительных подтверждений таких зависимостей, полученных с использованием релевантных статистических методов, не приводится. Анализ региональной и районной статистики показывает, что различия явки могут свидетельствовать о задействовании властями политических машин, которые служат мобилизации зависимых от государства избирателей — получающих социальные льготы и услуги, работников государственных предприятий и учреждений, жителей национальных республик. Эти зависимости заслуживают дополнительной проверки при обращении к опросным данным.

Ключевые слова: обзор исследований, электоральное участие, социальные неравенства, мотивации голосования и абсентеизма, мобилизация и политические машины, западные демократии, Центральная и Восточная Европа, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

Проблеме неравенств электорального участия, связанной с проявлением того, почему одни граждане голосуют на выборах, а другие нет и отчего в одних странах явка оказывается выше, а в других ниже, посвящена обширная научная литература, характеризующая главным образом состояние дел в консолидированных западных демократиях, в меньшей степени — в Центральной и Восточной Европе и России. В представленном обзоре, нацеленном на прояснение состояния исследований этой проблемы в России, сначала дается характеристика теоретических представлений о ней, выработанных при изучении западных демократий, затем будут рассмотрены сравнительные работы, описывающие посткоммунистические страны Европы, и, наконец, приводятся имеющие эмпирическое подкрепление факты, выявленные при анализе индивидуальных особенностей тех, кто в России голосует на выборах и не принимает в них участия, а также рассматриваются закономерности, объясняющие большие различия региональной явки и свидетельствующие о задействовании властями политических машин.

ЗАПАДНЫЕ ДЕМОКРАТИИ

В западных демократических странах основные различия между голосующими и не голосующими на выборах, согласно обзору 2007 г. А. Блэ, связаны с наличием у избирателей интереса к политике и чувства гражданского долга, а на экологическом уровне явка (составляющая

около двух третей от числа тех, кто имеет право голосовать) оказываются ниже в небогатых странах и выше, когда выборы являются более важными и конкурентными, а также регламентированы в законе как обязательные [Blais 2007].

В этих демократиях, как показал Р. Далтон, анализируя неравенства в основных разновидностях политической активности по данным ISSP 2004 и 2014 гг. и других опросов, участие в выборах связано с более высоким социально-экономическим статусом, повышается с возрастом (снижаясь у самых пожилых), предполагает вхождение индивида в общественные организации, приверженность нормам гражданскому долгу, уверенность в способности влиять на политику и доверие другим людям [Dalton 2017]. Оно зависит и от общественного контекста — явка избирателей была большей в странах с более высокими показателями действительного числа партий (предположительно, вследствие их усилий по мобилизации избирателей), а также в федеральных системах, в отличие от унитарных, однако контекстуальные переменные не оказывали заметного влияния на выраженность индивидуальных зависимостей.

Обобщая исследования агрегированного и индивидуального уровней, Х. Васс и А. Блэ указывают, что участие в голосовании зависит от характеристик избирателей — наличия у них ресурсов, связанных с социально-экономическим статусом, усвоенными избирательными предпочтениями родителей, здоровьем, и мотивации, проявляющейся в интересе индивида к политике, его уверенности в восприимчивости политической системы к интересам граждан и в собственной способности оказывать на нее влияние, а также от развитости чувства гражданского долга, простоты избирательной процедуры, не предполагающей существенных затрат, и ожидания выгод при победе поддерживаемых кандидатов [Wass, Blais 2017]. Отмечается, что институциональные и контекстуальные особенности, такие как близость результатов конкурентов, действительное число партий, мобилизация, способны оказывать медиативное и модулирующее воздействие на зависимости между электоральным участием и характеристиками избирателей, однако такие межуровневые интеракции остаются недостаточно изученными.

В недавней характеристике демографических и социальных особенностей избирателей Е. Плутцер подчеркивает: «Несмотря на быстрые общественные изменения, продолжают наблюдаться значительные раз-

личия участия в выборах, связанные с возрастом, этнической принадлежностью и образованием <...> однако в каждом случае знакомство с тщательными эмпирическими исследованиями наводит на мысль, что ни одна демографическая переменная не воплощает простую причинную историю» [Plutzer 2018: 78–79]. Так, выдвигаются три основных объяснения сильных возрастных эффектов, фиксирующих отчетливое нарастание электоральной активности: постепенное прояснение политических интересов и предпочтений в зрелых и старших возрастах, продолжающаяся интернализация социальных норм и усвоение взрослых ролей, вхождение в зрелые годы в сети социальных взаимодействий с более высокими ожиданиями гражданской активности. Образование выступает одним из самых сильных предикторов голосования и политического участия, но в последнее десятилетие серия эмпирических работ поставила под сомнение заключение, что его связь с участием в выборах является причинной: сильные корреляции нельзя объяснить производными образования, такими как когнитивные способности и будущие доходы, они скорее объясняются семейными особенностями и ранней социализацией, указывая на механизмы селекции и социальные силы, распределяющие людей по путям относительной привилегированности. Другие особенности социальной демографии большого значения для участия в голосовании не имеют: классовые и доходные различия очень малы, особенно в Европе, участие женщин и мужчин является сходным, оно несколько выше у состоящих в браке и заметно ниже у родителей-одиночек. В другом недавнем обзоре исследований, посвященных политическому равенству и участию в выборах, А. Блэ, Р. Дассонневий и Ф. Костелка соглашаются, что в сложившихся демократиях молодежь, менее образованные и бедные с меньшей вероятностью голосуют, особенно при невысокой общей явке, и сообщают о важных политических последствиях различий в явке: высокая способствует политике, направленной на перераспределение и большую восприимчивость политиков к интересам избирателей, кроме того, не подтвердилось предположение об ухудшении результатов левых партий при низкой явке [Blais, Dassonneville, Kostelka 2020].

Участие в одних выборах, замечает Е. Динас, способствует голосованию на последующих, и у индивидов формируется привычка к такому поведению: «Те, кто начинают участвовать в выборах <...> с большей вероятностью придут к тому, что станут регулярными избирателями» [Dinas 2018: 109].

Несмотря на систематическое указание, как видно из приведенных обзорных работ, сходного набора индивидуальных факторов голосования, обобщение с помощью метаанализа исследований, посвященных поиску таких детерминант участия в национальных парламентских и президентских выборах в стабильных демократиях (2000–2010 гг., 90 работ), говорит, заключают К. Сметс и К. ван Хам, об отсутствии согласия в научных кругах относительно базовой объяснительной модели [Smets, van Ham 2013]. Среди 170 изучавшихся переменных лишь восемь включались хотя бы в четверть из этих работ, и среди претендентов на вхождение в эту модель — возраст (рост участия с его увеличением и снижение среди самых пожилых), образование (высокое увеличивает вероятность голосования), мобильность относительно места жительства (снижает ее), потребление информации СМИ, партийная и внепартийная мобилизация, голосование на предстоящих выборах, партийная идентификация, интерес к политике и политические знания (с ростом значений этих переменных увеличивается вероятность голосования).

Модель основных детерминант электорального участия, представленная в недавнем исследовании А. Блэ и Ж.-Ф. Дау выборов разного уровня в сложившихся западных демократиях, свидетельствует, что оно, нарастая с возрастом и образованием, зависит прежде всего от двух общих мотивационных диспозиций — интереса индивида к политике и чувства гражданского долга, а также от двух более конкретных представлений — обеспокоенности результатами выборов и уверенности, что проголосовать нетрудно, причем эти зависимости проявляются в разнообразных контекстах — они мало отличаются в избирательных системах с пропорциональным представительством и без него, характерны для национальных, региональных и европейских выборов [Blais, Daoust 2020].

Важным фактором электорального поведения выступает партийная идентификация — устойчивая психологическая приверженность определенной политической партии. Она способствует, как было показано еще А. Кэмпбеллом и его коллегами, психологической вовлеченности индивидов в политику, участию в голосовании и поддержке определенной партии и кандидатов [Campbell et al. 1980: Chapter 6]. И сегодня партийная идентификация, отмечает Р. Далтон, облегчает оценку политических проблем, событий, кандидатов и вовлекает граждан в проведение кампаний и выборы, а также определяет избирательные пред-

почтения и стабилизирует паттерны голосования и партийную систему [Dalton 2021]. «Приверженность определенной политической партии, — пишет И. Макаллистер, — служит фоном для почти всех разновидностей политического участия», в частности снижение в развитых демократиях явки на выборах в последние десятилетия было вызвано в определенной степени ослаблением партийной лояльности, особенно среди молодежи [McAllister 2020: 266, 270]. Невысокая явка на парламентских выборах в новых демократиях, в том числе в Центральной и Восточной Европе, может свидетельствовать о неразвитости партийной идентификации. Действительно, для ее формирования необязательно требуется длительный промежуток времени и смена нескольких поколений, как предполагалось в первоначальной формулировке, связывающей эту идентификацию с аффективной привязанностью к определенной политической партии, возникающей под влиянием социализации в подростковом возрасте [Campbell et al. 1980]. В теории рационального выбора признается, что идентификация может постепенно меняться по мере накопления опыта, отражающего ретроспективные оценки партийной политики [Fiorina 1981]. Партийная идентификация определяет мнения и ценности, восприятие результатов работы кандидатов и их оценку, а также голосование, однако сама не остается неизменной, и сила ее влияния может варьировать [Johnston 2006].

Существенное значение для электоральной явки, как уже видно из приведенных свидетельств, имеет общественный контекст, и этой проблеме посвящено отдельное исследовательское направление. В Соединенных Штатах, где явка заметно ниже, чем в других сложившихся демократиях, причины этого связаны с институциональными особенностями, которые снижают влияние отдельного голоса на направление публичной политики (электоральная система относительного большинства, *first past the post*, разделение властей, затрудняющее атрибуцию ответственности, относительно слабая связь партийной системы с классовым и религиозным расслоением общества) и делают голосование непростым и неудобным событием, требующим предварительной регистрации и временных затрат [Martinez 2010]. Причем, согласно этому обзору, на протяжении десятилетий участие в американских выборах постепенно снижалось, отражая ослабление партийной идентификации и социальной связанности, сокращение профсоюзов и представительства ими интересов рабочего класса, распространение мобилизации через СМИ вместо персональных контактов, которые сочетались

с сокращением у граждан интереса к политике и потерей уверенности в возможности ее изменения. Отмечается, уровень явки имеет важное значение, поскольку с ее повышением снижаются классовые неравенства в голосовании (правда, по многим вопросам политики взгляды людей, участвующих и не участвующих в выборах, сходятся) и, хотя остается неясным, способствует ли большая явка успехам левых партий, она, скорее всего, связана с более щедрой социальной политикой. В Швейцарии, как и в США, низкую явку на парламентских выборах определяли институциональные особенности электоральной системы — слабая связь между их результатами и проводимой политикой (здесь важные решения принимаются на референдумах и мало зависят от состава кабинета), а также частое проведения различных выборов [Franklin 2002: 156]

Анализ участия в парламентских (в нижнюю палату) выборах в 22 западных демократиях с 1945 по 1999 г. свидетельствует, что изменение явки зависит от выраженности конкуренции (степени поддержки ведущей партии и ее отрыва от преследователей) и численности новых избирательных когорт, представители которых особо восприимчивы к характеру выборов — электоральная социализация при низкой или высокой состязательности продолжает сказываться на последующих выборах, и колебания в явке связываются со сменой таких поколений [Franklin et al. 2004].

Сравнительные исследования, резюмировал А. Блэ в 2000-е годы, позволяют «с уверенностью говорить, что участие в выборах ниже в бедных и выше в малых странах, что обязательное голосование способствует участию и что явка повышается при высоко конкурентных выборах» [Blais 2006: 122]. В этом обзоре отмечается, что важное направление дальнейших исследований связано с многоуровневым анализом, который позволит рассматривать контекстуальные переменные в сочетании с индивидуальными характеристиками избирателей. Высказывается предположение (вслед за Франклиным), согласно которому влияние институциональных факторов может с большей отчетливостью проявляться у представителей новых возрастных когорт с еще не укоренившимися привычками электорального поведения.

Изучение по агрегированным данным причин неодинаковой в разных странах явки на выборы, проведенное Б. Гейсом с помощью метаанализа опубликованных исследований [Geys 2006], продемонстрировало, что участию способствуют, во-первых, меньший размер населения

страны и близость результатов конкурентов, повышающие вероятность влияния избирателя на исход выборов, во-вторых, стабильность населения, благодаря социальному давлению и меньшим затратам на поиск информации в устойчивых образованиях (но не концентрация и гомогенность населения), в-третьих, большие расходы на проведение кампании, облегчающие избирателю понимание ситуации и поиск информации (но не партийная фрагментация), и, наконец, институциональные процедуры, предполагающие упрощенную регистрацию, пропорциональную избирательную систему и одновременное проведение выборов разных уровней. Продолжение этого метаанализа десятилетием позже позволило уточнить эти выводы, показав, что к факторам повышения участия в национальных выборах (они отличаются от тех, которые способствуют явке на субнациональных уровнях) относятся: (а) социально-экономические переменные — явка на предыдущих выборах (привычное поведение), стабильность населения и меньшее представительство меньшинств (в силу больших социальной связанности и контроля, однако меньшая численность населения — только в половине релевантных случаев), (б) институциональные переменные — упрощенные регистрационные требования и обязательное голосование (пропорциональная электоральная система — в половине работ), (в) политические особенности — значительные расходы на проведение кампании и высокая конкуренция (но не партийная фрагментация) [Cancela, Geys 2016: 270, table 3]. Другой мета-анализ научных статей, посвященных сравнению агрегированных показателей электорального участия на национальном, региональном и местном уровнях (2004–2013, 130 публикаций), обнаружил общее согласие в литературе о более высоких их значениях при институте обязательного голосования, большей важности выборов, в маленьких странах, однако сведения о влиянии других факторов, включая тип избирательной системы, число партий, социально-экономическое развитие, выраженность доходных неравенств и остроту партийной конкуренции, пока не позволяют прийти к строго определенным выводам [Stockemer 2017].

Наконец, исследования индивидуального и агрегированного уровней дополняет анализ в немногочисленных работах межуровневых интеракций — влияния контекстуальных факторов общественных различий на проявление связей между социально-демографическими и атitudными переменными, с одной стороны, и участием в голосовании — с другой. Неравенства электорального участия по образованию

(по данным CSES, 1996–2009, 36 стран, 85 выборов, а также опросных экспериментов) зависят от контекста, пишет А. Галлего, отчетливо проявляясь в одних странах и ситуациях, но не в других: непонимание избирателем, как голосовать, вызванное сложными правилами регистрации и избирательной процедуры, необходимостью учитывать партийные коалиции и недостаточным информированием при преобладании коммерческих массмедиа над общественными способствует усилению этих неравенств, снижая явку менее образованных граждан [Gallego 2015]. Факты, полученные в этой работе, не подтверждают распространенной точки зрения о мобилизации профсоюзами низкостатусных избирателей: хотя с увеличением в стране доли работников, состоящих в профсоюзах, повышается электоральная явка, образовательные неравенства меняются мало — сегодня эти организации охватывают не только рабочие профессии, но и квалифицированных работников в общественных секторах, равно мобилизуя тех и других на участие в выборах. Неоднозначными оказались результаты проверки предположения об усилении образовательных различий электорального участия с ростом в стране доходных неравенств.

Решение граждан об участии в выборах, установили С. Бандуччи и Дж. Карп, зависит от их убежденности в том, что голосование способно привести к действительному изменению в политике, а она, в свою очередь, связана с особенностями электоральной и партийной систем — «PR-системы (с пропорциональным представительством — ВС) укрепляют такую убежденность, преимущественно у сторонников небольших партий, обеспечивая пропорциональные результаты. Однако коалиционные правительства, которые также являются следствием PR-систем, вызывают ее снижение, особенно в том случае, когда формируется широкая коалиция» [Banducci and Karp 2009: 127]. По результатам М.К. Киттилсон и К. Андерсона, решение граждан об участии в голосовании зависит от степени поляризации партийной системы, причем этот контекстуальный фактор действует в сочетании с переменной индивидуального уровня, фиксирующей их уверенность в том, что со сменой руководства можно добиться изменений в политике и что участие в голосовании имеет значение. Так, «граждане, уверенные, что их голос имеет значение, с большей вероятностью примут участие в выборах, если они живут в странах, где партии представляют более поляризованные профили политики. Напротив, граждане, не разделяющие этой уверенности о своем участии, гораздо реже голосуют, когда поли-

тические партии располагаются идеологически дальше друг от друга» [Kittilson, Anderson 2011: 33–34].

Многоуровневое моделирование, в котором учитывались интеракции между переменными индивидуального и социетального уровней (анализ серии опросных данных для развитых индустриальных демократий за ряд лет), продемонстрировало, что с повышением в стране доходных неравенств заметно снижается интерес людей к политике, частота политических дискуссий, а также электоральное участие, причем такое снижение происходит во всех доходных стратах, кроме самой верхней: «Рост экономического неравенства все сильнее искажает демократию в интересах самых богатых граждан, вследствие чего многие другие люди склоняются к мнению, что в политические игры попросту не стоит играть» [Solt 2008: 58].

Таким образом, в западных демократиях многочисленные исследования электоральной активности позволили выделить ряд принципиальных составляющих теоретической модели, объясняющей, кто участвует в выборах и почему их больше в одних странах, чем в других, и как участие менялось от выборов к выборам. На индивидуальном уровне эта модель учитывает ресурсы, мотивацию и мобилизацию, а на контекстуальном — определенные электоральные институты и остроту политического противостояния, которые могут усиливать электоральные неравенства.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Исследования выборов в посткоммунистических странах, проводившиеся в первое десятилетие, практически не затрагивали проблему электорального участия, как следует из обзора Дж.А. Такером 101 статьи, опубликованной между 1990 и 2000 г. в ведущих научных журналах [Tucker 2002]. О явке речь идет только в двух работах, в одной из которых показано по агрегированным данным за десятилетие для посткоммунистических стран, что ее повышение способствует поддержке левых партий [Bohrer, Pasek, Radcliff 2000]. Другая статья свидетельствует о снижении явки на выборах 1990–1992 гг. в Болгарии, Чехии и Словакии, Польше вследствие экономических трудностей [Pasek 1994].

В начале 2000-х годов, как обнаружила Т. Костадинова при регрессионном анализе агрегированных данных для четырех последовательных парламентских выборов в 15 странах Восточной Европы, прово-

дившихся вслед за крушением коммунистических режимов, наблюдалось снижение явки, вызванное постепенным спадом демократической активности, причем более высокой она оставалась в электоральных системах с пропорциональным представительством, что подтверждает, как и в западных демократиях, идею рационального поведения избирателя при условии значимости отдельного голоса, однако не удалось обнаружить отчетливого влияния на электоральное участие ни многопартийности и партийной конкуренции, ни состояния экономики и урбанизации [Kostadinova 2003].

Дальнейшее изучение агрегированных данных о парламентских и президентских выборах в 19 посткоммунистических странах, состоявшихся в первые полтора десятилетия, свидетельствует, как указывают А.С. Пасек, Г. Поп-Елечес и Дж.А. Такер, что гораздо лучшее объяснение различий явки удастся получить при учете важности выборов (большей значимости избираемого института, меньших международных ограничений внутренней политики, невысоких уровнях благосостояния и этнической неоднородности), а не недовольства избирателей, как предполагается в другой теории, состоянием дел в экономике и политике, способного вызвать, по одной версии, подавление активности или, по другой, ее стимуляцию [Пасек, Поп-Елечес, Tucker 2009]. Сравнение электоральной явки в странах Центральной и Восточной Европы (к концу 2000-х годов) подтверждает, по результатам С. Бирч, что она была выше в избирательных системах с пропорциональным представительством, на президентских по сравнению с парламентскими выборах, если страна не входила в Советский Союз, при невысоком уровне экономического развития, и ниже при ухудшении ситуации в экономике — инфляции, безработице, замедлении роста [Birch 2013]. Согласно данному обзору, на индивидуальном уровне электоральное участие в этой части Европы связано с теми же демографическими факторами, что и в развитых демократиях, а также, возможно, с отношением к демократической системе — недовольство политикой и коррупцией может удерживать от голосования, хотя возможна и мобилизация.

Электоральное участие (в парламентских, президентских и местных выборах) в посткоммунистических демократиях, входящих в ЕС, между 1990 и 2010 гг. постепенно сокращалось (больше в одних и меньше в других странах), сообщает Ф. Костелка, и оказалось заметно ниже, чем в Западной Европе, при этом неравенства участия (по социально-демографическими категориями и идеологическим позициям) были в обеих

частях континента сходными, так что низкая активность в восточно-европейских странах не вела к серьезному искажению демократического процесса [Kostelka 2014]. Кроме того, в посткоммунистических странах намного более низким по сравнению с Западом, но устойчивым было и участие в не электоральных политических действиях, к которому также прибегали представители разных социальных слоев, причем заметно чаще, как и в стабильных демократиях, образованные и обеспеченные граждане, те, у кого работа предполагала известную автономию. В недавнем обзоре С. Бирч также указывается, что в Восточной Европе «сравнительно низкий уровень электорального участия, по крайней мере в сравнении с уровнями, достигаемыми обычно в Западной Европе», и в посткоммунистический период явка постепенно снижалась — недовольство многих граждан политикой вело к нежеланию в ней участвовать [Birch 2018: 161]. Б. Сека полагает, что жесткая политическая конкуренция снижала в посткоммунистических странах доверие людей к политике, вызывая нежелание участвовать в выборах [Сека 2013].

При трехуровневом моделировании кросс-секционных индивидуальных данных для 12 посткоммунистических демократий, полученных в четырех исследовательских проектах и охватывающих 1990-е и 2000-е годы, К. Нортмор-Балл обнаружила, что снижению неравенств электорального участия по образованию способствовали некоторые электоральные институты — простота заполнения бюллетеней, а также членство в профсоюзах, мобилизующие избирателей с ограниченными ресурсами [Northmore-Ball 2016]. Однако сильные левые партии такой мобилизующей роли не играли, вероятно в силу ориентаций на поддержку нового общественного устройства, и, кроме того, участие в выборах многочисленных партий не отпугивало граждан с невысоким статусом, а большие доходные неравенства в обществе вызывали электоральную демобилизацию среди более благополучного сегмента, возможно по причине их недовольства тем, как осуществлялись экономические и демократические преобразования. Усиление электоральных неравенств со временем происходило вследствие затухания первоначальных надежд на проведение демократических выборов и утраты иллюзий людьми с невысоким статусом, а смена старших поколений, привыкших к обязательному участию в выборах в коммунистическую эпоху, младшими играла в этом процессе лишь незначительную роль.

Сравнительные исследования в посткоммунистических европейских странах позволяют прийти к заключению о релевантности теоретиче-

ских воззрений, выработанных в западных демократиях, для объяснения неравного участия граждан в выборах органов власти. Оно различалось в зависимости от переменных, характеризующих статусные ресурсы, возрастные различия и мотивацию, а также между странами, отражая различную значимость выборов и особенности избирательных институтов.

РОССИЯ

Исследования электоральных неравенств в нашей стране проводились в двух основных направлениях и посвящены выявлению социальных особенностей избирателей и абсентеистов, их политических взглядов, а также различий явки на региональном и районном уровнях, связанных с мобилизацией граждан властями при помощи политических машин.

Характеристики избирателей и контекст

Проблема электорального участия и абсентеизма обсуждается в многочисленных работах, представленных в научных журналах и материалах конференций, однако в настоящем обзоре рассматриваются только те из них, в которых приводится эмпирическое обоснование полученных выводов.

Согласно опросам, проводившимся в 1990-е годы, сообщает Т. Колтон, участие в выборах Государственной Думы было связано криволинейной зависимостью с возрастом, повышаясь с его увеличением и затем снижаясь среди самых пожилых, и характерно для более образованных избирателей, а также для людей с социальными связями (состоящих в браке и дружеских отношениях с соседями). Неучастие способствовали отсутствие у человека интереса к политике и конкретным выборам, уверенность, что голосование ничего не изменит, а также недоверие властям и сомнение в справедливости выборов. Эти зависимости, замечает Колтон, сходны с объяснениями различий электоральной активности в стабильных демократиях, при этом в России особенно много было тех, кто с недоверием относился к политическим институтам и полагал, что политическая система не дает им возможности влиять на происходящее [Colton 2000].

Основные мотивы неучастия в выборах Государственной Думы 2003, 2007 и 2011 гг., по данным Левада-Центра, — это недоверие политикам,

невозможность повлиять на результаты и предопределенность победы партии власти [Гудков, Дубин, Зоркая 2012: 13, табл. 9]. Опрос ВЦИОМ накануне выборов в Государственную Думу 2007 г., позволивший Е.А. Кулагиной выявить мотивацию участия и неучастия в них с помощью открытых вопросов, свидетельствует, что «постоянные избиратели» ссылаются прежде всего на чувство гражданского долга (почти половина этой категории), кроме того, на стремление поддержать свою партию, кандидата, повлиять на формирование власти и происходящее в стране, а склонные к абсентеизму указывают, что не интересуются политикой и выборами (две пятых респондентов), что их голос не повлияет на результаты (треть), они будут сфальсифицированы и что ни одна партия им не нравится [Кулагина 2007]. В кратком обзоре российских исследований проблемы абсентеизма отмечается, что воздержание от электорального участия обусловлено политической апатией, отсутствием у потенциальных избирателей интереса к политике, а также недовольством властями и выборами [Ковров 2015].

Причины абсентеизма при выборах Президента РФ 2004 и 2008 гг., на которые указывали респонденты в опросах ВЦИОМ, по заключению Р.А. Алексева и А.В. Абрамова, — привычка к постоянному неучастию (пассивные граждане) и низкий интерес к политике (аполитичные), а также предсказуемость результатов и возможность их фальсификации, отсутствие достойных кандидатов (отчужденные от политики) [Алексеев, Абрамов 2016]. Последующий анализ, представленный этими авторами, говорит о том, что абсентеизм на общероссийских выборах, проводившихся с 1993 по 2018 г., был связан при избрании президента с апатией избирателей, недостатком интереса к политике и непониманием ими значимости выборов, отсутствием конкуренции с действующим главой государства, а на парламентских выборах ему способствовали их меньшая значимость (по сравнению с президентскими), ухудшение социально-экономической обстановки, недоверие депутатам и неверие в возможность перемен посредством парламента, а также плохая погода и неудачное время проведения [Алексеев, Абрамов 2018]. В другой работе о думских выборах 1993–2016 гг. Р.А. Алексеев вновь отмечает, со ссылкой на материалы Левада-Центра, что абсентеизм был обусловлен неверием избирателей в возможность влияния на политические институты, ухудшением социально-экономической ситуации в стране, неудобным временем проведения выборов и плохой погодой [Алексеев 2018].

По мнению Т.А. Берш и Е.М. Якимовой, основные причины электорального абсентеизма в РФ связаны с уверенностью избирателей, что их голос не важен, результаты предreshены, выборы являются непрозрачным и нечестными, а также с отсутствием возможности проголосовать против всех и недостатком информации о партиях, необходимой для реальной конкуренции [Берш, Якимова 2020]. С этим согласны В.В. Яценко и Н.С. Дубровский, полагающие, что неучастие в российских выборах обусловлено убежденностью избирателей в предопределенности их результатов и нарушении избирательных процедур, невозможностью отвергнуть всех баллотирующихся кандидатов [Яценко, Дубровский 2021]. Электоральный абсентеизм в России, по мнению О.В. Милаевой, А.Е. Сиушкина и Л.А. Андросовой, опирающемуся на результаты опросов ВЦИОМ, Левада-Центра, Ромир и др., связан с отчуждением общества от власти, безразличным отношением граждан к политическому процессу и демократическим процедурам, подкрепляемым авторитарной политической культурой и уверенностью избирателей, что на формирование выборных институтов и решения властей невозможно повлиять, а также со слабым использованием избирателями новых информационно-коммуникативных технологий [Милаева, Сиушкин, Андросова 2017].

Вероятность голосования на выборах Государственной Думы 2016 г., по данным проведенного вслед за ними общероссийского опроса, повышается, сообщают И. Макаллистер и С. Уайт, при наличии у граждан социоэкономических ресурсов, их мобилизации благодаря связям с гражданским обществом и уверенности избирателей в честности голосования и осмысленности выбора. Причем участие было в первую очередь связано с поддержкой избирателями политических партий (намного перевешивающей прочие влияния), оно заметно усиливалось с возрастом, ему также способствовали в определенной мере уверенность человека, что его голос имеет значение, и одобрение президента В.В. Путина (в сочетании с представлением о честности проведения выборов), но, вопреки известным закономерностям, не образование [McAllister, White 2017: 423, table 2]. Эти зависимости, по мнению авторов, показывают, что Россия при некотором сходстве все же отличается от западных демократий, где решение избирателя о голосовании не предполагает тесных связей с поддержкой режима.

На участие в выборах влияют не только характеристики избирателей, но и особенности общественного и политического контекста,

в которых они проводятся. Оно может зависеть от исторически сложившихся региональных различий, свидетельствующих о недоверии власти: неодинаковые в разных частях России уровни явки на федеральные выборы 2003–2012 гг. (как и соответствующие различия на Украине) объясняются в определенной степени, согласно результатам Ю.М. Жукова и Р. Талибовой, долгосрочными последствиями сталинского террора — там, где он был особенно массовым, электоральное участие оказалось более низким [Zhukov, Talibova 2018].

Исследование «титულных российских регионов», в котором проверались теоретические представления об уменьшении электорального участия при слабой политической конкуренции, показало, что система с доминирующей партией «Единая Россия» действительно снижает явку — она удерживает граждан от голосования, отстраняя конкурентов, уменьшая ставки и искажая результаты [Robbins, Rybalko 2013].

С опорой на опросы ВЦИОМ М. Мамонов, И. Гаврилов и М. Вядро приводят ряд обстоятельств, которые определили результаты выборов в Государственную Думу 2016 г. — низкую явку и успех «Единой России»: разнесение во времени избрания парламента и президента и возвращение смешанной избирательной системы, уменьшающие мотивацию участия, перенос сроков на сентябрь и невысокий интерес к выборам, пассивность партий при проведении кампаний, размывание границ политического позиционирования между ними и их ориентация на взаимодействие с властями, слабая конкуренция между партиями и высокая легитимность В.В. Путина, вялая избирательная кампания и ее регионализация, повышение в этих условиях важности партийной принадлежности при реальном ослаблении партийной идентификации избирателей, большая, чем на предшествующих выборах, социально-экономическая стабильность [Мамонов, Гаврилов, Вядро 2019].

Рассматривая различия явки между субъектами РФ на федеральных и региональных выборах 2011–2016 гг., Р. Туровский и Е. Корнеева обнаружили, что они связаны в первую очередь с институциональными, а не с социально-экономическими факторами: более важные выборы (особенно президентские по сравнению с парламентскими) привлекали больший электорат, при переходе от смешанной к пропорциональной избирательной системе участие в федеральных выборах росло и уменьшалась при возвращении первой (такие трансформации в регионах не приводили к однозначным результатам). По результатам регрессионного анализа, повышение явки в регионах связано с усилением элек-

торальной конкуренции (измеренной числом участвующих партий), мобилизацией лояльных избирателей (по доле голосов за «Единую Россию») и большим представительством нерусского населения [Turovsky, Korneeva 2018: 388, table 3].

Электоральная политика властей, полагает А. Кынев, предопределила результаты думских выборов в 2016 г. [Кынев 2017]. Уровень явки на них оказался самым низким из всех федеральных выборов (официально 47,88 %) и очень сильно отличался в разных частях страны: большая доля голосующих во многих национальных республиках и автономных округах, где функционировали «политические машины», и меньшая — в областях, отличающихся не столь сильным административным вмешательством, способствовали успехам «Единой России» (54,2 % голосов) и ослаблению основных конкурентов (независимые эксперты, такие как С. Шпилькин, полагают, что реальная явка и доля голосов за «Единую Россию» были существенно ниже — 36,9 и 40,5 % соответственно [Rogov 2016: 6, table 1]). Низкую явку мог вызвать ряд причин, приведших к сужению для избирателей возможностей политического выбора и влияния, соглашается К. Рогов: изменение законодательства — возвращение смешанной избирательной системы, новые требования по регистрации партий и кандидатов и контролю за волеизъявлением, не устраняющие фальсификаций и позволившие ограничить пассивное избирательное право и отстранить противников режима; слабая конкуренция между системными партиями, установившими неформальные альянсы с властями, и вялое проведение ими кампаний и обсуждений в СМИ на фоне широкой общественной поддержки внешней политики и присоединения Крыма; перенос срока на сентябрь, вызвавший демобилизацию избирателей, особенно в городах, которые были настроены к властям более оппозиционно [Кынев 2017; Rogov 2016] (контекст выборов охарактеризован также в [Hutcheson 2017]).

Анализ Н.В. Волковой и А.И. Дудочникова результатов президентских выборов в России 2018 г. (по 85 субъектам федерации) продемонстрировал, что повышение явки избирателей, особенно при значениях, превышающих три четверти, сочетается со снижением конкуренции между кандидатами. Так, в регионах, где в выборах участвовала доминирующая часть населения (как, например, в Кавказских республиках), было больше сторонников В.В. Путина [Волкова, Дудочников 2018]. Результаты говорят о высокой поддержке действующей власти, слабости альтернативных кандидатов, а также могут свидетельствовать о фаль-

сификациях и об использовании административного ресурса — губернаторских политических машин.

По мнению Д. Хатчесона и И. Макалестера, высокий показатель участия в российских президентских выборах 2018 г., необходимый для легитимации правления В.В. Путина, был достигнут (участие — 67,6 %, за Путина — 76,7 %) за счет сложившихся паттернов неодинаковой явки в регионах (высокой, где многие голосуют за Путина, и низкой, если его позиции в регионе слабее) и административных инициатив ЦИК, обеспечивших восстановление общественного доверия к избирательному процессу [Hutcheson, McAllister 2018]. Так, явка была очень высокой (более 90 %, что способствовало большей поддержке В.В. Путина) в республиках Северного Кавказа и некоторых отдаленных регионах — Тыве, Ямало-Ненецком АО, известных своими «политическими машинами», и самой низкой, но превышающей все же половину зарегистрированных избирателей, там, где бюрократическое влияние было менее заметным, — в Тверской, Новгородской областях и Карелии, Иркутской области и Забайкальском крае, сравнительно невысокой она была и в крупнейших городах — Москве и Санкт-Петербурге. Если заполнение и подсчет бюллетеней на выборах ГД 2016 признавали честными менее половины избирателей (43 %), то для президентских выборов 2018 г. этот показатель был существенно выше (72 %).

Некоторые из рассмотренных результатов побуждают обратиться к систематическому изложению фактов об использовании российскими властями давления на избирателей для мобилизации поддержки.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАШИНЫ

В отличие от стабильных западных демократий, где электоральная политика характеризуется конкуренцией партийных программ, в неконсолидированных демократиях существенную роль играют также патрон-клиентские отношения — участие в выборах и поддержка избирателями кандидатов от власти обмениваются на приватные блага — деньги, рабочие места, социальные услуги [Kitschelt, Wilkinson 2007]. Обзор исследований электорального поведения в авторитарных режимах (Мексика, Египет, Китай) говорит о том, что на него значительное влияние оказывают возможности патронажа и контроля ресурсов, которыми обладают действующие власти: на избирательных участках скорее появятся и проголосуют за кандидатов, представляющих режим,

жители сельских районов, где у элит больше возможностей контроля и принуждения, а электорат может рассчитывать на селективные привилегии, чем горожане, как и представители бедных слоев, которые склонны полагаться на патронаж и чьи голоса проще купить в отличие от избирателей из среднего класса, менее склонных полагаться на власти и участвовать в выборах [Gandhi, Lust-Okar 2009]. Но и в некоторых развитых европейских странах, среди которых Италия, Австрия и Бельгия, как продемонстрировал Г. Китшелт, во второй половине прошлого столетия вплоть до 1980-х годов отчетливо проявлялся клиентелизм, благоприятные условия для которого — политизация государственной интервенции в экономике и социальной защите, однако в последующем он теряет свое значение вследствие снижения эффективности «сотрудничающей» рыночной экономики и повышения либеральной [Kitschelt 2007]. Подобные механизмы мобилизации избирателей могут играть важную роль в полудемократических режимах ряда восточноевропейских стран и в России.

Работы Г. Хейла, в которых было начато изучение политических машин в нашей стране, показывают, что они возникали в регионах России в ходе общественного транзита и трансформации политического правления (и лишь отчасти были унаследованы с советских времен), появляясь преимущественно там, где важными региональными факторами выступали сельское хозяйство, население пенсионного возраста и этничность [Hale 2003]. Согласно результатам анализа клиентелизма в российских регионах при выборах Государственной Думы 1999 г. (по показателю доли голосов в одномандатных округах за поддерживаемых губернаторами кандидатов), ему способствует большая зависимость избирателей от региональных властей — при контроле ими экономики, в условиях слабой политической конкуренции, а также в этнических регионах [Hale 2007]. По данным исследования участия российских избирателей в президентских и думских выборах в 89 субъектах РФ с 1991 по 2007 г., в котором рассматривались зависимости между уровнями явки и конкуренции, высокие показатели проголосовавших свидетельствуют не о демократическом участии, а о задействовании элитами патрон-клиентских связей [Reisinger, Moraski 2008].

«Политические машины, — пишет Г.В. Голосов, — это политические организации, которые мобилизуют электоральную поддержку, предлагая гражданам партикулярные материальные блага в обмен на их голоса», и именно «современный электоральный авторитаризм оказы-

вается подходящим образованием для политики с использованием машины» [Golosov 2013: 460, 469]. Активация субнациональной электоральной политики в посткоммунистической России способствовала развитию клиентелизма, особенно в национальных республиках, автономных округах, по отношению к сельским избирателям, пенсионерам и пациентам государственных клиник. В 2000-е годы, отмечает Голосов, с укоренением конкурентного авторитаризма происходила интеграция региональных политических машин в организационные структуры «Единой России» и мобилизация с их помощью избирателей, получающих социальные услуги от государства, работников государственных секторов, включая врачей и учителей, не только с помощью материальных поощрений, но и под угрозой наказания.

По заключению Дж. Аллина-Писано, в России и на Украине инструментом политического принуждения выступает административный ресурс, с помощью которого доступ к общественной инфраструктуре, социальным услугам и трудовым компенсациям ставится в зависимость от электоральной поддержки действующих властей, и применение этого инструмента наблюдается там, где имеется экономически уязвимое население и экономическая сфера жизни пересекается с политической [Allina-Pisano 2010]. Анализ регионального участия в выборах Государственной Думы (2011), Президента РФ (2012) и законодательных собраний (2009–2013), показал, что доля голосующих растет при увеличении в регионе нерусского населения, снижении электоральной конкуренции и большей бедности, свидетельствуя: «явка избирателей в России сильно зависит от мобилизационного давления политических машин» (а также объясняется «ресурсной моделью») [Panov, Ross 2016: 368].

Преобразование в начале 2000-х годов российского конкурентного политического режима в электоральный авторитаризм, как показало многоуровневое моделирование с использованием районной социально-экономической статистики и переменных регионального контекста, связано с мобилизацией участия в президентских выборах зависимых от государства избирателей [Saikkonen, 2017]. Согласно результатам, явка была выше в национальных республиках и районах со значительной долей сельскохозяйственных работников, особенно в краях и областях России, а также в районах с многочисленным нерусским населением. Причем такие зависимости стали более отчетливыми к 2004 г. по сравнению с 2000 г. Двухуровневый анализ, в котором рассматрива-

лась явка на парламентских и президентских выборах 2003–2004 и 2011–2012 гг., подтверждает, что она была выше в районах с большей долей сельских работников и этнических меньшинств, а также в этнических регионах [White, Saikkonen 2017]. Оказалось, что увеличение доли этнических меньшинств в районах (между переписями 2002 и 2010 гг.) сопровождалось на выборах Государственной Думы 2011 и 2016 гг. не увеличением явки, а ее снижением, ослаблявшим опоры путинского режима [White 2022].

Явка на выборах глав регионов 2012–2014 гг., как и поддержка действующего губернатора, заметно снижались при существовании конфликта в элитах, особенно между губернатором и мэром региональной столицы, затрудняющего мобилизацию с использованием политической машины [Сироткина, Карандашова 2017]. Повышению явки способствовали меньшая урбанизация, значительное число бюджетников, немногочисленность страты с высшим образованием, создающие благоприятные условия для такой мобилизации. Различия российских регионов по уровню поддержки «Единой России» на выборах в Государственную Думу 2016 г., как продемонстрировали Т. Ткачева и Г. Голосов, хорошо объясняются явкой на проводившихся этой партией праймериз, косвенно свидетельствуя о силе политических машин — способности региональных властей мобилизовать избирателей [Tkacheva, Golosov 2019].

Согласно анализу электоральной статистики президентских выборов 2018 г., сбой в работе политических машин в национальных республиках — сокращение поддержки действующего президента РФ со стороны этнического населения — может происходить при выражении федеральной властью требований по ограничению этнических преференций (соблюдению принципа добровольности изучения родных языков) [Шкель 2019]. Два условия, вызывающие сбой, — лояльность региональных элит и выполнение ими этих требований, что вызывает рост протестного голосования титульных этнических групп, которое при наличии эффекта «хромой утки», вероятной смене республиканского руководителя, не получит компенсации за счет искажения результатов.

При рассмотрении фактов, выявленных при сопоставлении агрегированной региональной и районной статистики, следует иметь в виду, что они могут свидетельствовать не только о работе политических машин, но и о фальсификации результатов выборов. Показатели чаще фиксировались там же, где, как предполагается, действовала машинная мобилизация, — сложности организации контроля за честностью

выборов в условиях регионального авторитаризма, отличающего многие национальные административные образования, и на сельских избирательных участках открывают перед властями возможности искажения электорального процесса. Так, официальные сведения о явке на выборах в России (с 1995 по 2007 г.), согласно анализу статистических распределений результатов в районах, систематически фальсифицировались с помощью вбрасывания бюллетеней, принуждения к голосованию и завышения результатов, которые были наиболее отчетливыми в национальных республиках, а при президенте В.В. Путине стали распространяться и в других регионах, в основном на селе [Myagkov, Ordehook 2008]. Анализ районных результатов думских выборов 2007 и 2011 гг. продемонстрировал, что электоральным манипуляциям, ведущим к неправдоподобно высокой явкой (с нею напрямую связана и поддержка «Единой России»), способствует на районном уровне концентрация этнических меньшинств и сельского населения, а на региональном уровне нарушения были наиболее отчетливыми в национальных образованиях, особенно в мусульманских республиках, на Кавказе, и не зависели от экономического благосостояния регионов [Goodnow, Moser, Smith 2014]. Многоуровневый анализ электоральных нарушений на думских выборах 1995, 1999, 2003, 2007 и 2011 гг. (голосование по партийным спискам) подтверждает, что манипуляции по завышению явки были более вероятными в районах с большим представительством нерусского и сельского населения, которые были окружены в регионе другими районами с сильно завышенным участием [Moser, White 2017]. Таким образом, высокая явка, отличающая определенные административные образования, может возникать вследствие как работы политических машин, так и фальсификаций, не исключено также, что они дополняют друг друга.

Применение российскими властями политических машин подтверждается, однако, не только агрегированными данными, но и на индивидуальном уровне при анализе результатов опросных экспериментов. Материалы двух российских опросов, проведенных во время избрания Государственной Думы 2011 г., — работодателей (высших руководителей) и работников, свидетельствуют, что важнейший локус экономического принуждения, где осуществляется мобилизация работников на выборы, — предприятия, отличающиеся большими размерами, экономической зависимостью от государства, недвижимыми активами (в тяжелой промышленности, добывающих отраслях, сельском хозяй-

стве), наличием ресурсов по обеспечению работников социальными благами, при слабой конкуренции на рынке труда, а также поддержке высшим менеджментом «Единой России» [Frye, Reuter, Szakonyi 2014]. Установлено, что в избирательную активность были вовлечены около четвертой части изучавшихся фирм, четверть работников признавали, что работодатели пытались повлиять на их решение об участии в голосовании, а 15 %, согласно опросным списочным экспериментам, list experiments, полагали возможным ухудшение материального положения вследствие нелояльного поведения на выборах. Для мобилизации избирателей в России, пишут Т. Фрай и его коллеги, проанализировав материалы таких экспериментов и электоральных нарушений на выборах 2011–2012 гг., власти прибегают не только к подкупу, но еще чаще к запугиванию, особенно по месту работы [Frye, Reuter, Szakonyi 2019a]. Там, где работодатели, выступающие электоральными посредниками, имеют сильное влияние на работников (как, например, в моногородах), нередко используются угрозы увольнения, понижения в должности или урезания заработной платы и социальных благ, если работники не приходят на выборы или не голосуют предписанным образом, а при большей конкуренции на рынке труда и возможности найти работу эти угрозы сопровождаются усиленным контролем избирательного поведения. Представленный этими авторами анализ электорального клиентелизма и посредников, к которым обращаются политики для воздействия на избирателей, с использованием опросных данных (включающих эксперименты) для России (региональные выборы 2014 г.) и Венесуэлы (парламентские выборы 2016 г.) продемонстрировал, что работодатели имеют важные преимущества по сравнению с партийными активистами (две наиболее типичные разновидности брокеров голосования), обладая большим влиянием на избирателей, которые у них работают, и возможностями отслеживать, как они голосуют, вследствие уязвимости этих избирателей к материальным санкциям работодателей и более тесных социальных контактов руководителей с подчиненными [Frye, Reuter, Szakonyi 2019b].

Объясняя высокую явку на федеральных выборах в национальных республиках, С. Шкель, А. Щербак и Т. Ткачева [2022] проанализировали данные общероссийских социологических опросов, экспертных интервью в национальных республиках и фокус-групп в селах Башкортостана и Татарстана и обнаружили, что политическая лояльность республик опирается на сельских избирателей, а не на голоса предста-

вителей этнических меньшинств (составляющих значительную часть сельских жителей) и связана с институциональными возможностями мониторинга и контроля местными властями их электорального поведения и с большей социальной интеграцией. Но и этнический фактор, вероятно, имеет значение для политической лояльности избирателей В.В. Путину и «Единой России», поскольку поддержка центральных властей обеспечивает сохранение в республиках национальных руководителей. Правда, эти утверждения не согласуются с результатами регрессионного анализа опросных данных: были обнаружены интеракции переменных, отделяющих город и село, а также русских и людей других национальностей, свидетельствующие о наибольшей явке сельских русских избирателей и наименьшей — русских горожан, тогда как участие представителей других национальностей располагалось между этими значениями и статистически не различалось, хотя показатель был выше у жителей села. И такие зависимости удалось обнаружить только при анализе думских выборов 2011 г. (по данным Европейского социального исследования, ESS, Round 7), но не 2016 г. (ESS, Round 9) — в этом случае ни сами по себе, ни во взаимодействии эти переменные существенного влияния на участие в голосовании не оказывали [Шкель, Щербак, Ткачева 2022: 50, табл. 1].

Обобщая российские результаты, можно сказать, что выявленные в массовых опросах факты соответствуют некоторым положениям западной теоретической модели. Основная причина неучастия в выборах — отсутствие мотивации, проявляющееся в низком интересе к политике и политическом отчуждении избирателей, снижению активности способствуют и институциональные изменения контекста выборов, ослабляющие эту мотивацию. Недостаточное внимание уделялось другим компонентам модели — социальной стратификации и мобилизации, связанной с вовлеченностью в сети и организации гражданского общества. Региональные и районные различия явки, приписываемые действию машинной политики, заслуживают дальнейшего изучения с использованием массовых опросов и опросных экспериментов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные исследования электоральной активности в западных демократиях позволили выделить основные составляющие теоретической модели, объясняющей, кто участвует в выборах и почему их

больше в одних странах, чем в других, и как участие менялось от выборов к выборам. На индивидуальном уровне эта модель предполагает наличие ресурсов, обретаемых с повышением социально-экономического статуса, прежде всего образования (когнитивные и коммуникативные навыки, необходимые для понимания политических проблем), и с возрастом (формирование интересов при обретении определенности профессионального и семейного статусов, условий и уровня жизни, отношений с социальным государством), а также мотивации, побуждающей индивида к голосованию, о которой свидетельствует его интерес к политике, приверженность гражданскому долгу, стремление к политическим изменениям и уверенность в их достижимости. Еще один важный компонент модели связан с мобилизацией — вовлеченность человека в потоки информирования СМИ, сети отношений с другими людьми и вхождение в добровольные ассоциации, через которые может осуществляться привлечение избирателей к выборам, повышают их избирательную активность. Наряду с индивидуальными различиями на электоральное поведение влияет общественный контекст — участие возрастает при электоральных институтах, требующих обязательного голосования, облегчающих регистрационные процедуры и понимание избирателями политических коллизий, а также в ситуации высокой партийной конкуренции и более активной избирательной кампании. Индивидуальные неравенства могут усиливаться в неблагоприятных контекстах и сглаживаться при благоприятных условиях.

В Центральной и Восточной Европе электоральные неравенства между гражданами были схожими с теми, которые обнаруживаются в сложившихся западных демократиях, как похожими оказались и важные контекстуальные факторы. Явка зависела от значимости проводившихся выборов — за последние десятилетия, с утратой демократической эйфории первых посткоммунистических лет и нарастанием политического недовольства, она заметно сократилась, оказавшись ниже, чем в западных демократиях, и была выше на президентских, чем парламентских выборах, а также зависела от устройства избирательных институтов, увеличиваясь при системе пропорционального представительства. В подтверждение тезиса о контекстуальной обусловленности неравенств, обнаружено, что мобилизации индивидов с ограниченными ресурсами содействовали институты, не требующие от избирателя особых усилий для участия в голосовании, а также профессиональные союзы.

Обсуждаемые в России закономерности только отчасти поддаются интерпретации в рамках общих теоретических представлений. Согласно выявленным в массовых опросах характеристикам избирателей, основная причина неучастия в выборах — отсутствие мотивации, проявляющейся в низком интересе к политике и отчуждении от политики избирателей, не доверяющих политическим институтам и не верящим, что с помощью выборов можно добиться желательных изменений в стране. В отдельных работах приводятся также сведения о социальной и демографической стратификации электоральной активности, сходной с неравенствами в западных демократиях. Снижению активности способствуют и институциональные изменения контекста выборов, еще больше ослабляющие мотивацию участия. В то же время, в отличие от Западной и Центральной-Восточной Европы, важное направление российских исследований посвящено анализу завышенных показателей явки в регионах и районах страны, где мобилизация зависимых от властей избирателей осуществлялась с использованием политических машин. Эти машины можно прежде всего обнаружить в национальных республиках и автономных областях, на селе, в государственных секторах экономики, образования и здравоохранения.

Следует отметить, что приведенные утверждения о российских неравенствах электоральной активности остаются недостаточно обоснованными. При анализе опросных данных основное внимание уделялось мотивационному блоку переменных, а социально-структурные расслоения и мобилизационные условия, не считая отдельных работ, не обсуждаются, возможно в силу невыразительности таких отличий, как не обсуждаются и другие важные переменные, как, например, партийная идентификация. Причем такой анализ проводится в большинстве случаев без применения статистических методов, которые позволили бы оценить статистическую значимость влияния тех или иных переменных и их относительной важности при контроле прочих. Сопоставление агрегированной статистики, на которое опираются выводы о задействовании властями политических машин по отношению к зависимым от них избирателям, не позволяет с уверенностью утверждать, что различия явки в регионах и районах связаны с машинной политикой. Они могут вызываться и фальсификациями, не исключено также, что политические машины и искажения результатов дополняют друг друга. Для проверки этих выводов перспективным представляется обращение к материалам массовых опросов, как

об этом свидетельствуют работы, в которых рассматриваются списочные опросные эксперименты. Наконец, для дальнейшего изучения контекстуальных факторов, воздействующих на явку и неравенства электорального участия, полезно проанализировать российские показатели и зависимости в сравнительных исследованиях, в которых Россия сопоставляется с другими неконсолидированными и консолидированными посткоммунистическими демократиями Европы, а также с западными странами с неодинаковым институциональным дизайном и партийной политикой.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Р.А. Избирательные кампании парламентских выборов (1993–2016 гг.) и особенности электорального поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 195–206. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-195-206>.

Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Электоральный абсентеизм в России и способы его преодоления (на материалах президентских выборов 2000–2012 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1037>.

Алексеев Р., Абрамов А. Электоральный абсентеизм на президентских и парламентских выборах в России (избирательные кампании с 1993 по 2018 г.): причины, последствия, способы преодоления // Постсоветский материк. 2018. № 4. С. 43–57.

Берш Т.А., Якимова Е.М. Право на неучастие в выборах (абсентеизм) через призму свободного формирования политического поведения гражданина // Избирательное право. 2020. № 1. С. 22–26.

Волкова Н.В., Дудочников А.И. Анализ влияния электоральной активности на конкурентность выборов в России // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 8. <https://doi.org/10.24158/per.2018.8.3>.

Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения. 2012. № 1. С. 5–31.

Ковров В.Ф. Отражение проблемы электорального абсентеизма в трудах отечественных ученых // Научный альманах. 2015. № 9. С. 1372–1376. <https://doi.org/10.17117/na.2015.09.1372>.

Кулагина Е.А. Политическая культура россиян: мотивация участия/неучастия в выборах // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 4. С. 20–29.

Мамонов М., Гаврилов И., Вядро М. Эволюция политического поведения россиян в электоральном цикле 2016–2018 гг. // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. Валерия Федорова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 15–104.

Милаева О.В., Сиушкин А.Е., Андросова Л.А. Модель «электорального бес-силитя»: к вопросу об абсентеистском поведении россиян на выборах // По-литика и общество. 2017. № 7. С. 28–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20831>.

Сироткина Е.В., Карандашова С.А. Лояльность элит и выборы глав реги-онов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис. Поли-тические исследования. 2017. № 6. С. 76–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>.

Шкель С.Н. Бастионы традиции: этнический фактор и политические ма-шины в регионах России // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 49–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>.

Шкель С., Щербак А., Ткачева Т. Анатомия лояльности: механизмы форми-рования электорального сверхбольшинства в этнических республиках совре-менной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 38–70. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-38-70>.

Яценко В.В., Дубровский Н.С. Абсентеизм в России и пути его преодоле-ния // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и междуна-родного права: Сборник научных статей. Региональный научный круглый стол с международным участием. Вып. 6 / отв. ред. В.В. Коровин. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 127–131.

Allina-Pisano J. Social contracts and authoritarian projects in post-Soviet space: The use of administrative resource // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43. P. 373–382. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.001>.

Banducci S.A., Karp J.A. Electoral Systems, Efficacy, and Voter Turnout // *The Comparative Study of Electoral Systems* / ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009. P. 109–134.

Birch S. Elections and Voters // *Developments in Central and East European Politics 5* / ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013. P. 156–170.

Birch S. Elections and Electoral Participation // *The Routledge Handbook of East European Politics* / ed. by A. Fagan, P. Kopecký. London; New York: Routledge, 2018. P. 157–168.

Blais A. What Affects Voter Turnout? // *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9. P. 111–125. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.070204.105121>.

Blais A. Turnout in Elections // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2007. P. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout // *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies* / ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press, 2020. P. 396–412.

Bohrer R.E., Pacek A.C., Radcliff B. Electoral Participation, Ideology, and Party Politics in Post-Communist Europe // *The Journal of Politics*. 2000. Vol. 62, no. 4. P. 1161–1172.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.

Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections // *Electoral Studies*. 2016. Vol. 42. P. 264–275. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.

Ceka B. The Perils of Political Competition: Explaining Participation and Trust in Political Parties in Eastern Europe // *Comparative Political Studies*. 2013. Vol. 46, no. 12. P. 1610–1635. <https://doi.org/10.1177/0010414012463908>.

Colton T.J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.

Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.

Dalton R.J. Party Identification and Its Implications // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* / ed. by W.R. Thompson. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.72>.

Dinas E. The Acquisition of Voting Habits // *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion* / ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 108–119.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.

Franklin M.N. The Dynamics of Electoral Participation // *Comparing Democracies 2* / ed. by L. LeDuc, R.G. Niemi, P. Norris. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 2002. P. 148–168.

Franklin M.N. with assistance from van der Eijk C., Evans D., Fotos M., Hirczy de Mino W., Marsh M., Wessels B. *Voter Turnout and the Dynamics of Electoral Competition in Established Democracies since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 277 p.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics*. 2014. Vol. 66, no. 2. P. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia // *British Journal of Political Science*. 2019a. Vol. 49, no. 3. P. 857–881. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000752>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela // *World Politics*. 2019b. Vol. 71, no. 4. P. 710–746. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000078>.

Gallego A. *Unequal Political Participation Worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. P. 403–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434>.

Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research // *Electoral Studies*. 2006. Vol. 25, no. 4. P. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2013. Vol 21, no. 4. P. 459–480.

Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia // *Electoral Studies*. 2014. Vol. 36. P. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>.

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19, no. 3. P. 228–263. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.

Hale H.E. Correlates of clientelism: Political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition // *Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition* / eds. H. Kitschelt, S. I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 227–250.

Hutcheson D.S. Contextualizing the 2016 State Duma Election // *Russian Politics*. 2017. Vol. 2, no. 4 (Special Issue: Analyzing the 2016 State Duma Election). P. 383–410. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204001>.

Hutcheson D., McAllister I. Putin versus the Turnout? Mapping the Kremlin's Presidential Election Support // *Russian Politics*. 2018. No. 3. P. 333–358. doi: 10.1163/2451-8921-00303002.

Johnston R. Party Identification: Unmoved Mover or Sum of Preferences? // *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9. P. 329–351. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170523>.

Kitschelt H. The Demise of Clientelism in Affluent Capitalist Democracies // *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 298–321.

Kitschelt H., Wilkinson S.I. (Eds.). *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. New York: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral Supply and Voter Turnout // *Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices* / ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press, 2011. P. 33–54.

Kostadinova T. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe // *European Journal of Political Research*. 2003. Vol. 42, no. 6. P. 741–759. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00102>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66, no. 6. P. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Kynev A. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections // Russian Politics. 2017. Vol. 2. P. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Martinez M.D. Why is American Turnout so Low, and Why Should We Care? // The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior / ed. by J.E. Leighley. New York: Oxford University Press, 2010. P. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235476.003.0007>.

McAllister I. Partisanship and Political Participation // Research Handbook on Political Partisanship / ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 266–280. <https://doi.org/10.4337/9781788111997>.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election // Russian Politics. 2017. Vol. 2, iss. 4 (Special Issue: Analyzing the 2016 State Duma Election). P. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>.

Moser R.G., White A.C. Does electoral fraud spread? The expansion of electoral manipulation in Russia // Post-Soviet Affairs. 2017. Vol. 33, no. 2. P. 85–99. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1153884>.

Myagkov M., Ordeshook P.C. Russian Elections: An Oxymoron of Democracy. Seattle, WA: The National Council for Eurasian and East European Research, 2008. 31 p. URL: https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

Northmore-Ball K. Increasingly Unequal Turnout in Eastern European New Democracies: Communist and Transitional Legacies versus New Institutions // Electoral Studies. 2016. Vol. 42. P. 188–200. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.012>.

Pacek A.C. Macroeconomic Conditions and Electoral Politics in East Central Europe // American Journal of Political Science. 1994. Vol. 38, no. 3. P. 723–744.

Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker J.A. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries // The Journal of Politics. 2009. Vol. 71, no. 2. P. 473–491. <https://doi.org/10.1017/S0022381609090409>.

Panov P., Ross C. Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2016. Vol. 24, no. 3. P. 351–370.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout // The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion / ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 69–82.

Reisinger W.M., Moraski B. The Relationship between Turnout and Competition Levels in Russia // Annual National Conference of the Midwest Political Science Association. 2008. P. 1–38. <https://doi.org/10.17077/jjocp-n5zz>.

Robbins J.W., Rybalko M. Voter Turnout in a Hegemonic Party System: An Analysis of Electoral Participation in Russia's Regions // Conference Papers — Southern Political Science Association. 2013. P. 1–30.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime // FIIA (The Finnish Institute of International Affairs) Briefing Paper. 2016. No. 205. URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

Saikkonen I.A.-L. Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia // Government and Opposition. 2017. Vol. 52, no. 1. P. 51–74. <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20>.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout // Electoral Studies. 2013. Vol. 32, no. 2. P. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement // American Journal of Political Science. 2008. Vol. 52, no. 1. P. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockemer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate Research // Government and Opposition. 2017. Vol. 52, no. 4. P. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.

Tkacheva T., Golosov G.V. United Russia's Primaries and the Strength of Political Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71, no. 5. P. 824–839. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1613515>.

Tucker J.A. The First Decade of Post-Communist Elections and Voting: What Have We Studied, and How Have We Studied It? // Annual Review of Political Science. 2002. Vol. 5. P. 271–304. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.100201.102917>.

Turovsky R., Korneeva E. The Institutional Impact on Voter Turnout: The Case of Russia and Its Regions (2011–2016) // Russian Politics. 2018, no. 3. P. 372–395. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303004>.

Wass H., Blais A. Turnout // The SAGE Handbook of Electoral Behaviour. Vol. 1 / ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017. P. 459–487.

White A.C. A Chink in the Autocrat's Armour: Demographic Change and Voter Turnout in Putin's Russia // Ethnopolitics. 2022. Vol. 21, no. 4. P. 381–400. <https://doi.org/10.1080/17449057.2021.1901187>.

White A.C., Saikkonen I.A.-L. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections // Ethnopolitics. 2017. Vol. 16, no. 5. P. 450–470. <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1221186>.

Zhukov Y.M., Talibova R. Stalin's Terror and the Long-Term Political Effects of Mass Repression // Journal of Peace Research. 2018. Vol. 55, no. 2. P. 267–283. <https://doi.org/10.1177/0022343317751261>.

INEQUALITIES OF ELECTORAL PARTICIPATION IN RUSSIA

(a review of research in relation
to Western theoretical models)

V.V. Safronov

Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Citation: Safronov V.V. Neravenstva elektoral'nogo uchastiya v Rossii (obzor issledovaniy v sootnesenii s zapadnymi i teoreticheskimi modelyami) [Inequalities of electoral participation in Russia (a review of research in relation to Western theoretical models)]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (2): 56–95. (In Russian)

doi: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.3>

Abstract. *The article presents an overview of studies of electoral activity of Russian citizens in relation to theoretical concepts that have received empirical justification in stable Western democracies and countries of Central and Eastern Europe. The patterns identified in Russia at the individual level fit into the Western theoretical model of “resources — motivation — mobilization”. It is noted that in Russian works insufficient attention was paid to the social structuring of participation, perhaps due to the inexpressiveness of such differences, and mobilization is discussed mainly in connection with the work of political machines — the role of parties, civil society organizations and social networks remains out of focus. There is general agreement in the literature on Russian voters regarding the key factors explaining participation in voting — they belong to the motivational block. It is argued that absenteeism is supported by the low interest of our fellow citizens in politics and political alienation — distrust of the authorities, politicians and democratic institutions, convictions of the political system’s unresponsiveness to the preferences of citizens and their inability to influence political decisions. However, apart from the rare exceptions presented by the works of Western researchers, convincing evidence of such relationships obtained using relevant statistical methods is not provided. An analysis of regional and district statistics shows that differences in turnout may indicate the use of political machines by the authorities, which serve to mobilize voters dependent on the state — those receiving social benefits and services, employees of state enterprises and institutions, and residents of national republics. These claims deserve further verification through analysis of survey data.*

Keywords: *research review, electoral participation, social inequalities, motivations for voting and absenteeism, mobilization and political machines, Western democracies, Central-Eastern Europe, Russia.*

REFERENCES

Alekseev R.A. Izbirateľnyye kampanii parlamentskikh vyborov (1993–2016 gg.) i osobennosti elektoral'nogo povedeniya [Electoral campaigns of parliamentary elections (1993–2016) and features of electoral behavior], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences], 2018, 3, pp. 195–206. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-195-206>. (In Russian)

Alekseev R.A., Abramov A.V. Elektoral'nyy absenteizm v Rossii i sposoby yego preodoleniya (na materialakh prezidentskikh vyborov 2000–2012 gg.) [The Electoral Absenteeism in Russia and Ways to Overcome It (on materials of the 2000–2012 presidential elections)], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (electronic journal)], 2016, 4:1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1037>. (In Russian)

Alekseev R., Abramov A. Elektoral'nyy absenteizm na prezidentskikh i parlamentskikh vyborakh v Rossii (izbirateľnyye kampanii s 1993 po 2018 g.): prichiny, posledstviya, sposoby preodoleniya [Electoral absenteeism in the presidential and parliamentary elections in Russia (election campaigns from 1993 to 2018): causes, consequences, ways to overcome], *Postsovetkiy materik* [Post-Soviet Continent], 2018, 4, pp. 43–57. (In Russian)

Allina-Pisano J. Social contracts and authoritarian projects in post-Soviet space: The use of administrative resource, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43, pp. 373–382. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.001>.

Banducci S.A., Karp J.A. Electoral Systems, Efficacy, and Voter Turnout, *The Comparative Study of Electoral Systems*. Ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009, pp. 109–134.

Bersh T.A., Yakimova E.M. Pravo na neuchastiye v vyborakh (absenteizm) cherez prizmu svobodnogo formirovaniya politicheskogo povedeniya grazhdanina [The right to non-participation in elections (absenteeism) through the prism of the free formation of the political behavior of a citizen], *Izbirateľnoye pravo* [Suffrage Law], 2020, 1, pp. 22–26. (In Russian)

Birch S. Elections and Voters, *Developments in Central and East European Politics 5*. Ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013, p. 156–170.

Birch S. Elections and Electoral Participation, *The Routledge Handbook of East European Politics*. Ed. by A. Fagan, P. Kopecký. London and New York: Routledge, 2018. P. 157–168.

Blais A. What Affects Voter Turnout? *Annual Review of Political Science*, 2006, 9, pp. 111–125. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.070204.105121>.

Blais A. Turnout in Elections, *The Oxford Handbook of Political Behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout, *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies*. Ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press, 2020, pp 396–412.

Bohrer R.E., Pacek A.C., Radcliff B. Electoral Participation, Ideology, and Party Politics in Post-Communist Europe, *The Journal of Politics*, 2000, 62(4), pp. 1161–1172.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.

Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections, *Electoral Studies*, 2016, 42, pp. 264–275. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.

Ceka B. The Perils of Political Competition: Explaining Participation and Trust in Political Parties in Eastern Europe, *Comparative Political Studies*, 2013, 46(12), pp. 1610–1635. <https://doi.org/10.1177/0010414012463908>.

Colton T.J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.

Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.

Dalton R.J. Party Identification and Its Implications, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Ed. by W.R. Thompson. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.72>.

Dinas E. The Acquisition of Voting Habits, *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London and New York: Routledge, 2018, pp. 108–119.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.

Franklin M.N. The Dynamics of Electoral Participation, *Comparing Democracies 2*. Ed. by L. LeDuc, R.G. Niemi, P. Norris. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2002. P. 148–168.

Franklin M.N. with assistance from van der Eijk C., Evans D., Fotos M., Hirczy de Mino W., Marsh M., Wessels B. *Voter Turnout and the Dynamics of Electoral Competition in Established Democracies since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 277 p.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace, *World Politics*, 2014, 66(2), pp. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia, *British Journal of Political Science*, 2019a, 49(3), pp. 857–881. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000752>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela, *World Politics*, 2019b, 71(4), pp. 710–746. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000078>.

Gallego A. *Unequal Political Participation Worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism, *Annual Review of Political Science*, 2009, 12, pp. 403–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434>.

Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research, *Electoral Studies*, 2006, 25(4), pp. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21(4), pp. 459–480.

Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia, *Electoral Studies*, 2014, 36, pp. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>.

Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N. Rossiyskiye parlamentskiye vybory: elektoral'nyy protsess pri avtoritarnom rezhime [Russian parliamentary elections: electoral process under an authoritarian regime], *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2012, 1, pp. 5–31. (In Russian)

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy, *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19(3), pp. 228–263. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.

Hale H.E. Correlates of clientelism: Political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition, *Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition*. Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 227–250.

Hutcheson D.S. Contextualizing the 2016 State Duma Election, *Russian Politics*, 2017, 2(4), pp. 383–410. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204001>.

Hutcheson D., McAllister I. Putin versus the Turnout? Mapping the Kremlin's Presidential Election Support, *Russian Politics*, 2018, 3(3), pp. 333–358. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303002>.

Johnston R. Party Identification: Unmoved Mover or Sum of Preferences? *Annual Review of Political Science*, 2006, 9, pp. 329–351. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170523>.

Kitschelt H. The Demise of Clientelism in Affluent Capitalist Democracies, *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. New York: Cambridge University Press, 2007, pp. 298–321.

Kitschelt H., Wilkinson S.I. (Eds.). *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. New York: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral Supply and Voter Turnout, *Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices*. Ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press, 2011. P. 33–54.

Kostadinova T. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe, *European Journal of Political Research*, 2003, 42(6), pp. 741–759. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00102>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement, *Europe-Asia Studies*, 2014, 66(6), pp. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Kovrov V.F. Otrazheniye problemy elektoral'nogo absenteizma v trudakh otechestvennykh uchenykh [Reflection of the problem of electoral absenteeism in the works of domestic scientists], *Nauchnyy al'manakh* [Scientific almanac], 2015, 9, pp. 1372–1376. <https://doi.org/10.17117/na.2015.09.1372>. (In Russian)

Kulagina E.A. Politicheskaya kul'tura rossiyan: motivatsiya uchastiya/neuchastiya v vyborah [Political culture of Russians: motivation for participation / non-participation in elections], *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 2007, 4, pp. 20–29. (In Russian)

Kynev A. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections, *Russian Politics*, 2017, 2(2), pp. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Martinez M.D. Why is American Turnout so Low, and Why Should We Care? *The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior*. Ed. by J.E. Leighley. New York: Oxford University Press, 2010. P. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235476.003.0007>.

Mamonov M., Gavrilov I., Vyadro M. Evolyutsiya politicheskogo povedeniya rossiyan v elektoral'nom tsikle 2016–2018 gg. [The evolution of the political behavior of Russians in the electoral cycle of 2016–2018], *Vybory na fone Kryma: elektoral'nyy tsikl 2016–2018 gg. i perspektivy politicheskogo tranzita* [Elections against the backdrop of Crimea: the electoral cycle of 2016–2018. and prospects for political transit]. Ed. by V. Fedorov. Moscow: VTSIOM, 2019, pp. 15–104. (In Russian)

McAllister I. Partisanship and Political Participation, *Research Handbook on Political Partisanship*. Ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 266–280. <https://doi.org/10.4337/9781788111997>.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election, *Russian Politics*, 2017, 2(4), pp. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>.

Milayeva O.V., Siushkin A.E., Androsova L.A. Model' «elektoral'nogo bessiliya»: k voprosu ob absenteistском povedenii rossiyan na vyborah [Model of “electoral

impotence”: on the issue of absentee behavior of Russians in elections], *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], 2017, 7, pp. 28–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20831>. (In Russian)

Moser R.G., White A.C. Does electoral fraud spread? The expansion of electoral manipulation in Russia, *Post-Soviet Affairs*, 2017, 33(2), pp. 85–99. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1153884>.

Myagkov M., Ordeshook P.C. *Russian Elections: An Oxymoron of Democracy*. Seattle, WA: The National Council for Eurasian and East European Research, 2008. 31 p. Available at: https://www.ucis.pitt.edu/nceer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (accessed: 16.11.2022).

Northmore-Ball K. Increasingly Unequal Turnout in Eastern European New Democracies: Communist and Transitional Legacies versus New Institutions, *Electoral Studies*, 2016, 42, pp. 188–200. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.012>.

Pacek A.C. Macroeconomic Conditions and Electoral Politics in East Central Europe, *American Journal of Political Science*, 1994, 38(3), pp. 723–744.

Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker J.A. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries, *The Journal of Politics*, 2009, 71(2), pp. 473–491. <https://doi.org/10.1017/S0022381609090409>.

Panov P., Ross C. Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2016, 24(3), pp. 351–370.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout, *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 69–82.

Reisinger W.M., Moraski B. The Relationship between Turnout and Competition Levels in Russia, *Annual National Conference of the Midwest Political Science Association*, 2008, pp. 1–38. doi: 10.17077/j0cp-n5zz.

Robbins J.W., Rybalko M. Voter Turnout in a Hegemonic Party System: An Analysis of Electoral Participation in Russia's Regions, *Conference Papers — Southern Political Science Association*, 2013, pp. 1–30.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime, *FIIA (The Finnish Institute of International Affairs) Briefing Paper*, 2016, No. 205. Available at: https://www.fia.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (accessed: 16.11.2022).

Saikkonen I.A.-L. Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia, *Government and Opposition*, 2017, 52(1), pp. 51–74. <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20>.

Shkel' S.N. Bastiony traditsii: etnicheskiy faktor i politicheskiye mashiny v regionakh Rossii [Bastions of tradition: the ethnic factor and political machines in the regions of Russia], *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2019, 1, pp. 49–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>. (In Russian)

Shkel' S., Shcherbak A., Tkacheva T. Anatomiya loyality: mekhanizmy formirovaniya elektoral'nogo sverkhbol'shinstva v etnicheskikh respublikakh sovremennoy Rossii [Anatomy of Loyalty: Mechanisms for the Formation of an Electoral Supermajority in the Ethnic Republics of Modern Russia], *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2022, 21(1), pp. 38–70. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-38-70>. (In Russian)

Sirotkina E.V., Karandashova S.A. Loyalty elit i vybory glav regionov: rol' predvybornykh konfliktov v iskhode golosovaniya [Elite loyalty and elections of heads of regions: the role of pre-election conflicts in the outcome of voting], *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2017, 6, pp. 76–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>. (In Russian)

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout, *Electoral Studies*, 2013, 32(2), pp. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement, *American Journal of Political Science*, 2008, 52(1), pp. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockemer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate Research, *Government and Opposition*, 2017, 52(4), pp. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.

Tkacheva T., Golosov G.V. United Russia's Primaries and the Strength of Political Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections, *Europe-Asia Studies*, 2019, 71(5), pp. 824–839. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1613515>.

Tucker J.A. The First Decade of Post-Communist Elections and Voting: What Have We Studied, and How Have We Studied It? *Annual Review of Political Science*, 2002, 5, pp. 271–304. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.100201.102917>.

Turovsky R., Korneeva E. The Institutional Impact on Voter Turnout: The Case of Russia and Its Regions (2011–2016), *Russian Politics*, 2018, 3(3), pp. 372–395. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303004>.

Volkova N.V., Dudochnikov A.I. Analiz vliyaniya elektoral'noy aktivnosti na konkurentnost' vyborov v Rossii [Analysis of the influence of electoral activity on the competitiveness of elections in Russia], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2018, 8. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.8.3>. (In Russian)

Wass H., Blais A. Turnout, *The SAGE Handbook of Electoral Behaviour. Vol. 1*. Ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017. P. 459–487.

White A.C. A Chink in the Autocrat's Armour: Demographic Change and Voter Turnout in Putin's Russia, *Ethnopolitics*, 2022, 21(4), pp. 381–400. <https://doi.org/10.1080/17449057.2021.1901187>.

White A.C., Saikkonen I.A.-L. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National

Elections, *Ethnopolitics*, 2017, 16(5), pp. 450–470. <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1221186>.

Yatsenko V.V., Dubrovskiy N.S. Absenteizm v Rossii i puti yego preodoleniya [Absenteeism in Russia and ways to overcome it], *Aktual'nyye problemy konstitutsionnogo, munitsipal'nogo i mezhdunarodnogo prava: Sbornik nauchnykh statey. Regional'nyy nauchnyy kruglyy stol s mezhdunarodnym uchastiyem* [Actual problems of constitutional, municipal and international law: Collection of scientific articles. Regional scientific round table with international participation]. Iss. 6. Ed. by V.V. Korovin. Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2021, pp. 127–131. (In Russian)

Zhukov Y.M., Talibova R. Stalin's Terror and the Long-Term Political Effects of Mass Repression, *Journal of Peace Research*, 2018, 55(2), pp. 267–283. <https://doi.org/10.1177/0022343317751261>.